

Павлов Сергей Владимирович

СИМВОЛИЗМ РАЗВИТИЯ В СОДЕРЖАНИИ СОЗНАНИЯ

Статья раскрывает тезис о единстве развития и сознания человека на основе рефлексивного замыкания их содержания. Основное внимание автор работы уделяет символическому характеру содержания сознания, которое может быть понято только через практики развития. Предлагаемое автором философствование представляется как подход к пониманию проблемности человеческой сущности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 132-135. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

MODERN RUSSIA AS SOCIETY OF PERIPHERAL TYPE

Denis Viktorovich Novikov, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of Philosophy and Sociology
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
novikovdeniska@rambler.ru

The purpose of this article is to study the typological character of modern Russian society. Basing on the global-formational theory of Yu. I. Semenov and the world-system analysis of I. Wallerstein, the author identifies modern Russia as the society of peripheral type, where capitalist basis coexists with the elements of archaic politar formation, and substantiates that the elements of politarism have negative impact on Russian capitalism contributing to the reduction of its historical "horizon".

Key words and phrases: peripheral capitalism; politarism; extra-economic compulsion; industrial relations; insiders; outsiders; politar fund.

УДК 159.923.2

Философские науки

Статья раскрывает тезис о единстве развития и сознания человека на основе рефлексивного замыкания их содержания. Основное внимание автор работы уделяет символическому характеру содержания сознания, которое может быть понято только через практики развития. Предлагаемое автором философствование представляется как подход к пониманию проблемности человеческой сущности.

Ключевые слова и фразы: сознание; развитие; символ; образование; содержание; язык; культура; рефлексия.

Сергей Владимирович Павлов, к.т.н.

Кафедра информационных технологий образования
Институт педагогики, психологии и социологии
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
melamaster@gmail.com

СИМВОЛИЗМ РАЗВИТИЯ В СОДЕРЖАНИИ СОЗНАНИЯ[©]

В данной статье разворачивается подход к пониманию проблемности и парадоксальности человека на основе соотношения сознания и развития. Основная идея представляемого подхода заключается в единстве сознания и развития, которые, рефлексивно дополняя друг друга, определяют сущность человека. С одной стороны, сознание полагается как нечто, необходимое для оформления развития: только сознание может исчерпывающе работать с содержанием развития. В этом плане сознание можно интерпретировать как ключ к развитию. С другой стороны, развитие полагается как другое нечто, играющее роль инициатора сознания, источника предметного материала в содержание сознания и расширителя границ сознания.

Для первого приближения к пониманию сознания воспользуемся суперпозицией индивидуального и социокультурного в человеке. Интуитивное восприятие и понимание себя дает нам внутреннее позиционирование: мы можем быть носителем (проводником) или источником (генератором) сознания, которое позволяет наблюдать и рефлексировать себя погруженным в окружающий мир в различных семиотических системах. Сознание возникает в отчуждении от самого себя: сознание шизофренично, и в этом смысле каждый человек болен сознанием. Понимание и признание изначальной патологии человека означает необходимость в регулярной диагностике с последующей поддерживающей или корректирующей терапией, которые за счет образования должны перейти в форму самодиагностики и самотерапии. Вопрос о генезисе сознания (возникает ли сознание внутри меня или я возникаю в сознании, которое вне меня?) разрешается схемой интериоризации Л. С. Выготского [1]: внешний диалог с другим постепенно индивидуализируется, превращаясь во внутренний диалог с самим собою. По этой схеме возникновение сознания у человека и погружение человека в сознание тождественны по сути.

Продуктивность дальнейших размышлений в плане формирования понятия о сознании с опорой на развитие будет зависеть от того, каким будет философствование о замысле этих понятий и какими словами оно будет описано. Вероятно, самым опасным для понимания является стремление к точным и лаконичным определениям с претензией на научность. Наука опасна тем, что всякое символическое содержание сознания старается перевести в пространство культурных знаков, что в пределе ведет к знаниям как языковой игре [3]. При этом в самой науке понятия не вводятся через дефиниции и не понимаются через дефиниции. Для формирования понимания ученые используют контекст или ситуации взаимодействия: в какие отношения может вступить определяемое понятие. Таким образом, всякое понятие это не «что», а «как». Поэтому для

понимания сознания мы нуждаемся в определенном символизме как системе метафор. Развитие как символ того, что может быть содержанием сознания, есть освобождение сознания от знаковых комплексов и восстановление символов как единственного ключа к пониманию сознания [Там же].

Сознание как индивидуализированный внутренний диалог для осуществления автокоммуникации требует наличия другого внутри себя, что можно рассматривать как дополнение человека другим или как расщепление человека на двоих. В качестве гипотезы возникновения другого примем интериоризацию другого внутрь себя извне. Это означает, что я появляюсь только тогда, когда у меня появляется сознание, в котором я могу оказаться, воспитав в себе другого, являющегося собирательным идеальным образом. Именно в этом кроется социальность человека, а не в том, что человек есть общественное животное. Так называемая человеческая потребность в общении есть компенсаторная потребность отсутствия себя. Введенную гипотезу можно усилить утверждением о том, что изначально никакого я нет вообще и я появляюсь только после того, как во мне индивидуализируется другой, т.е. я возникаю и проявляюсь как сопротивление агрессии другого, проникающего в меня.

Необходимость коммуникации генетически задается совместным действием или переживаниями в рамках проблемной ситуации. Проблемный контекст не только задает потребность в коммуникации, но также инициирует мышление, что в целом можно интерпретировать следующим образом: сознание возникает в мыслекоммуникации. Этот тезис можно расширить и утверждать, что сознание есть интериоризированная мыслекоммуникация. Разрешение проблемной ситуации возможно по двум направлениям: изменение ситуации или изменение себя, которые в деятельностном плане мы понимаем как развитие за счет преодоления. Символическое содержание сознания складывается из материалов проблематики. Кроме того, проблемность помогает развивать сознание за счет поисков пределов своего существования, что позволяет говорить о том, что человек возникает на границе своего осознанного существования.

Мыслекоммуникация в плане проблеморазрешения может оказаться продуктивной (способствующей преодолению проблемной ситуации и развитию) только между принципиально разными «я». Если исходить из дополненности коммуницирующих «я», то в каждом событии коммуникации «я1» выступает, как «не-я2», а «я2», как «не-я1», т.е. сознание опирается на противоположности. Это значит, что человек есть не только то, чем он является, но и то, чем он не является. Получается, что я как человек всегда равен чему-то, кроме себя самого (парадоксальное нарушение закона тождества). Из этого следует, что человеческая сущность возникает в жизни между двумя параллельными мирами: реальный и идеальный, эмпирический и теоретический, сенсуалистический и духовный миры, между которыми человек постоянно пытается устанавливать и упорядочивать отношения. В такой трактовке сознание для человека само по себе становится проблемной ситуацией, поскольку от человека требуется двойственность, а редукция к одному из миров оказывается невозможной.

Таким образом, введенное сознание хорошо коррелирует с одним из принципов древнебуддийской философии: человек возникает только во взаимодействии со своей противоположностью [5]. С точки зрения буддизма, введенный выше принцип взаимодополнения «я1» через «не-я2» и «я2» через «не-я1» есть основа медитативной педагогика. Такое осмысление с неизбежностью ведет нас к странной посылке Фридриха Ницше: человек есть нечто, что следует превзойти (преодолеть) [4]. Из этого возникают два проблемных момента. Во-первых, должно быть нечто, что можно превзойти. Во-вторых, должен быть некто, кто будет превосходить. Применительно к человеку это возможно только в рамках шизофреничного сознания. Выход за пределы себя это то полагание развития, которое мы вводили выше. Таким образом, можно считать сознание и развитие рефлексивно замкнутыми друг на друга.

Содержание сознания как автокоммуникации есть конфликт внутренних «я», в событиях которого проявляется сущность человека как разница самого себя с собою: поскольку я ограничен, страдаю, сопротивляюсь, мыслю, действую и преодолеваю границы себя, я есть человек. Феноменология сознания как форма и продукт автокоммуникации есть графический или вербальный текст о символах собственного развития, переживаемого в сознании. Понимание такого текста заключается не в освоении текста как семиотического комплекса, а в отыскании внутри этого текста символов и смысловых сюжетов сознания, т.е. понимание текста, как понимание сознания, это, скорее, художественная, чем научная практика. Работа с текстом в знаковом и символическом аспектах позволяет вводить уровни развития мышления с точки зрения сложности материала или предмета мышления, масштаба мышления и операций мышления.

Развитие в содержании сознания - это переписывание собственного текста посредством вмешательства во внутренний диалог, ведущий к остановке потока сознания. Это действие, согласно Карлосу Кастанеде [2], позволяет увидеть мир и себя в абсолютном или истинном виде. Это означает, что развитие как дискретный процесс принципиально случайно и сводится к реконструкции сознания: необходимо вынести за пределы себя все то, что было ранее индивидуализировано, выполнить декомпозицию и аналитический синтез содержания сознания и снова погрузить внутрь. Таким образом, акт развития человека есть реинтериоризация сознательного опыта, который нужно положить на внешнее табло. Таких моментов остановки сознания в жизни человека случается ограниченное количество и последний из известных этапов развития человека, как остановка сознания, - это смерть.

Понимание смерти и формирование знаний о смерти практически невозможны, поскольку мы можем оперировать лишь косвенными признаками и обстоятельствами смерти. Однако с идеей смерти связана интересная проблематика сознания в медицинской практике. Наблюдаемые проявления сознания в ходе внешней коммуникации являются точкой отсчета в диагностировании состояния человека, особенно в психическом

аспекте. В клиническом редукционизме смерть человека сводится только к органическим признакам: отсутствие внешнего диалога достаточно, чтобы судить об отсутствии внутреннего. Единственное, что мы можем сделать для проверки гипотезы о том, что вместе с органической смертью прекращается сознание, это умереть, но результат такого опыта будет не доступен внешнему наблюдателю. Таким образом, у нас нет доказательной уверенности в том, что мы хороним людей, в которых не происходит внутренний диалог. По этой причине нужна определенная этическая социальная установка на признание смертности человека.

Возвращаясь к социальности, мы констатируем, что не человек социален, а социум человекен. В этом плане мы получаем интересный мыслительный конфликт: генетически человек социален, но с точки зрения материала социум человекен. Овладев сознанием или погрузившись в сферу сознания, человек оказывается наедине с самим собой, что, вообще говоря, есть трудно разрешимая проблема, поскольку перед собою человек предстает неким демоном. Эта проблема культурно была решена просто: переориентировать человека из внутреннего диалога во внешнюю коммуникацию. Социальный мир стал защитой человека от самого себя, что довольно быстро привело к беспощадному обществу потребления человеком самого себя на фоне прогресса культуры и технологий. В этом современном обществе человека практически нет, поскольку он все время равен чему-то внешнему. Дружба превратилась в последнее прибежище неудачников. При этом культуры и технологий стало так много, что человеку нечего делать, кроме потребления, ибо все создано и все написано.

На этом фоне наиболее перспективными и самыми актуальными в аспекте конструктивной науки становятся две дисциплины: антропология развития и социология развития, ориентированные на разработку и реализацию проекта человека и проекта общества. Это означает, что мы вступаем в фазу, когда необходимо переводить философствование из пассивного описательного залога в активную деятельностную модальность. В эту рамку в качестве пробы укладываются деятельностный и системный подходы. Введенная в этой статье рефлексивная связка {сознание-развитие} дает основания или, по крайней мере, предпосылки для проекта человека. Человеку необходимо пройти трудный и длинный путь социокультурного становления себя, чтобы преодолевать себя как человека, который начинается с отчуждения и отстранения от себя. Развитие возможно только через потерю или утрату, поэтому требует периодических «падений». В этой цепи мыследствий развитие и сознание снова замыкаются друг на друге. Эти предпосылки можно резюмировать короткой формулой: «хочешь большего - откажись от себя».

Если развитие случается в дискретной событийности, то возникает вопрос: возможно ли управление этой случайностью, понимаемое хотя бы как изменение распределения вероятностей? Ответ на этот вопрос переводит дуальную связку {сознание-развитие} в триаду {сознание-развитие-образование}. Различение образования и развития можно понимать следующим образом. В практиках развития мы всегда имеем дело с тем, что есть, поэтому содержание развития это всегда переходы по преодолению того, что есть (отказ от того, что есть). В образовательных практиках мы принципиально имеем дело с тем, чего еще нет, поэтому содержание образования это всегда замыслы. Проект человека и проект социума это переориентация прогресса науки с технологий материального плана на гуманитарный план. Приложения антропологии и социологии развития это гуманитарная и социальная инженерия, антропотехники и социотехники, которые представляют собой перспективный фокус внимания на ближайшие столетия.

Для продвижения в этом направлении философам придется нелегко, поскольку на фоне общего «философствования» как комментирования и массовой «философии» необходимо реконструировать философию, чтобы понять символизм человека, которым она занималась тысячи лет, но так и не решила проблему человека. Вероятно, только философия может стать точкой отсчета, поскольку лишь о философии мы не можем говорить в модальности развития. Это значит, что в рамках философии сознания должна случиться смена акцентуации с истории на мышление об истории [3], с психологии на мышление о психологии и т.д. В целом эту мыследеятельностную работу можно полагать как реконструкцию символов человека в процессе проектирования и реализации нового человека.

У философов есть особый тип отношения к любому содержанию — не понимать [Там же], который принципиально отличается от отсутствия понимания и является начальной стадией формирования понимания. Отношение «не понимать» - это определяющая рефлексия взрослого человека. В этой статье был развернут подход, который развивает непонимание сознания за счет введения символизма развития как содержания сознания. Продолжением этой работы будет погружение символизма развития и образования в метатеорию сознания за счет опоры на три базовые категории (сфера сознания, структура сознания и состояние сознания) [Там же].

Список литературы

1. **Выготский Л. С.** Проблема сознания // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 156-167.
2. **Кастанеда К.** Колесо времени. М.: София, 2008. 288 с.
3. **Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.** Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
4. **Ницше Ф.** Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
5. **Пятигорский А.** Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 288 с.

SYMBOLISM OF DEVELOPMENT IN CONSCIOUSNESS CONTENT

Sergei Vladimirovich Pavlov, Ph. D. in Technical Sciences
*Department of Information Technologies in Education
Institute of Pedagogics, Psychology and Sociology
Siberian Federal University in Krasnoyarsk
melamaster@gmail.com*

The author reveals the thesis of human development and consciousness unity on the basis of the reflexive closure of their content, pays special attention to the symbolic nature of consciousness content, which can be understood only through the practice of development, and tells that the suggested philosophizing can be considered as an approach to understanding human essence problematic.

Key words and phrases: consciousness; development; symbol; education; content; language; culture; reflection.

УДК 34

Юридические науки

В настоящей статье исследуются нормативные основы отнесения органов судебной системы и прокуратуры Российской Федерации к правоохранительным органам. Рассматривается широкий спектр теоретико-правовых научных воззрений на определение признаков и классификацию указанных органов. Автор делает акцент на дискуссионности данных вопросов и обосновывает точку зрения о нормативной оправданности неотнесения прокуратуры и органов судебной системы к правоохранительным органам.

Ключевые слова и фразы: правоохранительные органы; система правоохранительных органов; органы судебной системы; прокуратура; государственная правоохранительная служба; законодательство.

Андрей Вячеславович Петров

*Кафедра теории и истории государства и права
Международный юридический институт, г. Москва
andreyvpetrov@mail.ru*

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СУДОВ И ПРОКУРАТУРЫ
ОТ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ[©]**

Несмотря на активное использование и широкое распространение термина «правоохранительные органы», существуют серьезные проблемы в единстве его понимания гражданами, учеными и государственными служащими. Во многом это происходит потому, что в настоящее время вышеуказанный термин не определен в российском законодательстве. Такая неопределенность не способствует выработке более или менее согласованного научного понимания содержания понятия «правоохранительные органы», совокупности органов, его образующих. На это обращают свое внимание большинство исследователей, в частности, А. А. Гавриленко [10, с. 191], П. Городецкий [12, с. 95], С. В. Болотин и Н. В. Сидорова [7, с. 125], С. А. Потапова [29, с. 89] и многие другие. Кроме того, вышеуказанная законодательная неопределенность негативно влияет и на развитие юридических учебных дисциплин, а в особенности научной дисциплины «Правоохранительные органы», что, в частности, отмечает И. А. Нужных [22, с. 363] и Е. В. Сопнева [36, с. 6].

Одной из особенностей современного российского законодательства является отнесение отдельными нормативно-правовыми актами ряда органов к правоохранительным, в то время как определение самого термина «правоохранительные органы» отсутствует. Такой подход законодателя к пониманию системы правоохранительных органов значительно усложняет ее восприятие людьми, не занимающимися исследованиями соответствующей нормативно-правовой базы.

Второй особенностью действующего российского законодательства, на наш взгляд, является дифференциация органов судебной системы и прокуратуры от правоохранительных органов. Аналогичный вывод делают и некоторые специалисты, выделяя правоохранительные органы в законодательном понимании и правоохранительные органы в широком понимании, относя к ним прокуратуру и суды [2, с. 280].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ряд авторов все же настаивают на том, что некоторые из вышеуказанных органов упоминаются в законодательстве в качестве правоохранительных. Так, А. А. Гавриленко [9, с. 97] и Е. В. Сопнева [36, с. 7] приводят в качестве примера нормативного акта, рассматривающего суды в качестве правоохранительных органов, Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [24].